

О ПРОГРАММЕ ЧАРТИСТСКОГО КОНВЕНТА 1851 года

Б. А. Рожков

Чартизм представлял собой первое массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение. В. И. Ленин отмечал, что во многих отношениях чартизм был подготовкой марксизма, ««предпоследним словом» к марксизму»¹. Это объясняет глубокий интерес, который марксистская историография всегда проявляла к истории чартистского движения.

Литература, посвященная истории чартизма, как известно, не так уж велика. Первая попытка систематизировать опыт чартистского движения была предпринята еще в 1854 г. участником движения Р. Гаммеджем. Его труд «History of the Chartist movement, 1837—1854» (New Castle on Fyne. 1854) особенно ценен тем, что опирается на личные воспоминания и наблюдения.

Широко известны работы немецкого историка Г. Шлютера «Die Chartistenbewegung» (New York. 1915), американского историка Слоссона «The decline of the Chartist movement» (New York—London. 1916), советского историка Ф. Ротштейна «Очерки по истории рабочего движения в Англии». Особое внимание советских историков привлекла к себе проблема связей с чартистами основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса. Этой проблеме посвящены статьи Г. Быкова² и В. Семенова³; она освещается также в ряде исследований по истории марксизма⁴.

Однако внимание исследователей было направлено преимущественно на ранний пе-

риод истории чартистского движения и время его наибольшего размаха. Что же касается периода после 1848 г., то он изучался в гораздо меньшей степени. Между тем именно к этому периоду относятся такие знаменательные события, как созыв чартистского Конвента 1851 г., принятие Конвентом политической и социальной программы, возрождение тред-юнионов и кооперативного движения, успешное массовое контрнаступление рабочего класса в 1853 г., вновь объединившее под знаменем чартизма значительные массы английских рабочих.

До сих пор, к сожалению, чартистская программа 1851 г. не стала предметом специального научного исследования. Правда, уже Р. Гаммедж отметил в своем труде, что «программа, принятая этим конвентом, была несравненно выше программ прежних конвентов»⁵. Так же оценивали этот документ Шлютер⁶, Слоссон⁷ и Ротштейн⁸. Однако все названные авторы ограничились лишь самой сжатой характеристикой программы и ее краткой общей оценкой. Правда, в книгах Шлютера и Слоссона был приложен текст программы, однако сопоставление его с первоисточником показывает, что указанный текст публиковался авторами в сокращенном виде (хотя это ими нигде и не было оговорено). При этом публикаторы опустили многие важные революционные положения программы, носившие принципиальный характер. Полный же текст программы, опубликованный в чартистской газете⁹,

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 458.

² Г. Быков. К. Маркс, Фр. Энгельс и революционные чартисты. Журнал «Борьба классов». 1934, № 10.

³ В. Семенов. Маркс и Энгельс и чартизм. «Историк-марксист», 1933, № 1.

⁴ См., например, статью М. И. Михалова «Борьба Маркса и Энгельса за пролетарскую партию в 1849—1852 гг.» (Сборник «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М. 1955).

⁵ Р. Гаммедж. История чартизма. СПб. 1907, стр. 423—424.

⁶ Г. Шлютер. Чартистское движение. М. б/г, стр. 361.

⁷ Слоссон. Чартистское движение и причины его упадка. М. 1923, стр. 75.

⁸ Ф. Ротштейн. Очерки по истории рабочего движения в Англии. М. 1925, стр. 89—90.

⁹ «The Northern Star», 1851, 12 April, p. 8.

вообще, насколько нам известно, в научной литературе исследованию не подвергался. Анализу данного текста и посвящена наша статья. Для решения этой задачи необходимо, однако, наряду с текстом программы рассмотреть выступления делегатов Конвента во время ее обсуждения и особенно письма и статьи о чартистской программе одного из лидеров чартизма в этот период, Эрнста Джонса. Следует учесть, что письма и статьи были написаны им по прямому указанию Конвента¹⁰. Джонс был тогда членом Исполнительного Комитета и всех комиссий по разработке и окончательному редактированию программы. По его же инициативе после Конвента был создан первый теоретический журнал чартистской партии — «Notes to the People», который последовательно пропагандировал идеи программы.

В программе рассматривается широкий круг вопросов. Большой интерес представляют, например, те ее разделы, которые посвящены организации всеобщего образования, социального обеспечения, вооруженных сил рабочего государства, определению места церкви в обществе. В частности, в программу были включены требования об отделении церкви от государства и школы от церкви, о предоставлении свободы отправления религиозных культов, о введении всеобщего и бесплатного образования (всеобщее обязательное начальное образование, бесплатное обучение в высших учебных заведениях, открытие промышленных школ для обучения молодежи различным специальностям), о праве на труд и на материальное обеспечение при потере трудоспособности, о демократизации армии, о создании условий, обеспечивающих полную свободу мысли и слова. К сожалению, по недостатку места мы не сможем остановиться в данной статье на анализе этих разделов программы и вынуждены будем ограничиться выяснением лишь некоторых основных ее теоретических положений.

Созыву Конвента 1851 г. и принятию им новой программы предшествовала острая идейная борьба чартистской партии против проникновения буржуазного влияния в рабочие организации. Английская буржуазия, воспользовавшись поражением рабочих в 1848 г. и образованием к этому периоду рабочей аристократии, создала широкую агентуру, с помощью которой она рассчитывала подчинить рабочее движение свое-

му влиянию, разложить пролетарские организации, а затем ликвидировать их. В обстановке разгула реакции начался известный «бунт» английских капиталистов в защиту рабства, продолжавшийся более двух лет. Вопреки сопротивлению фабричных инспекторов, назначенных парламентом, капиталисты самочинно ликвидировали билль о 10-часовом рабочем дне и другие законодательные акты по ограничению произвола капитала (рабочий день детей, женщин и взрослых был увеличен до 11, 12, 13 и более часов, рабочих опять стали спавать; им выдавали пивные талоны в счет зарплаты; на многих фабриках вместо денег стали выдавать талоны в продуктовые лавки фабрикантов¹¹, рабочих на каждом шагу штрафовали, их избивали и т. д.). В «Капитале» Маркс следующим образом характеризует разгул реакции в Англии после 1848 г.: фабриканты «подняли открытое восстание не только против десятичасового закона, но и против всего законодательства, которое, начиная с 1833 г., стремилось несколько обуздать «свободное» высасывание рабочей силы. Это был Proslavery Rebellion в миниатюре, который более двух лет проводился с цинической бесцеремонностью, с террористической энергией, причём это было тем проще, что взбунтовавшийся капиталист ничем не рисковал, кроме кожи своего рабочего»¹². Над рабочим классом нависла грозная опасность вновь оказаться в полной власти произвола капитала, как это было до возникновения чартистского движения. Э. Джонс писал об Англии тех лет: «В ее колониях солнце никогда не заходит, а кровь никогда не высыхает. В технике она обогнала весь мир, но техническая мощь применяется для того, чтобы ею заменить рабочих и морить голодом людей, оставшихся без занятия не по своей воле. Каждая фабрика стала более жестока, чем казарма, более мучительна, чем тюрьма, более пагубна, чем поле сражения»¹³.

Именно в этот период суровых правительственных репрессий, между 1848 и 1850 гг., в рядах чартистской партии образовалась фракция сторонников ликвидации незави-

¹¹ Известный русский экономист В. Я. Железнов подсчитал, что в Англии только путем расплаты товарами из фабричных лавок достигалось снижение зарплаты на 25—30%. См. В. Я. Железнов. Очерки политической экономики. Ч. II. М. 1918, стр. 825.

¹² К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 291.

¹³ «Notes to the People». Vol. I, p. 1.

¹⁰ Там же.

симой пролетарской партии, которой удалось на время привлечь на свою сторону некогда наиболее видного деятеля чартистского движения О'Коннора. «Фракция примиренцев», как ее тогда называли, повела линию на соглашение с буржуазными радикалами ценою отказа от революционной чартистской программы и предательства коренных интересов рабочего класса. В руках фракции находился орган партии, «The Northern Star», что позволяло ей проводить широкую пропаганду соглашательской политики.

Однако примиренцам не удалось повести за собой большинство партии. Их авторитет стал особенно быстро падать с лета 1850 г., когда из тюрем вышли деятели старой гвардии чартизма (Э. Джонс, М. Дуэль и другие). В состав вновь избранного Исполнительного Комитета вошли преданные делу рабочего класса деятели — Д. Гарни, Э. Джонс, Г. Рейнольдс. Новый состав Исполнительного Комитета повел решительную борьбу за созыв чартистского Конвента с целью выработки и принятия новой программы, способной на революционной основе сплотить всю партию. В феврале 1851 г. Исполнительный Комитет создал подкомиссию для завершения выработки проекта новой программы. В нее вошли Д. Гарни, Э. Джонс, Г. Рейнольдс, Гент, Г. Голиок (последний примыкал к фракции примиренцев). В начале марта того же года проект новой программы был опубликован в печати и началось его обсуждение в местных организациях, что вскоре привело к изоляции фракции примиренцев; все местные организации высказались за созыв Конвента.

Большую помощь чартистской партии в борьбе за сохранение революционной самостоятельности рабочей партии оказали находившиеся тогда в Лондоне Маркс и Энгельс. В Обращении Центрального комитета Союза коммунистов к членам Союза от июня 1850 г., принадлежащем перу Маркса и Энгельса, подчеркивалось, что «вожди революционной чартистской партии также находятся в постоянной тесной связи с делегатами Центрального комитета. Они предоставляют к нашим услугам свою печать. Разрыв между этой революционной самостоятельной рабочей партией и более примиренчески настроенной фракцией, руководимой О'Коннором, был значительно ускорен делегатами Союза»¹⁴.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 495.

Известно, что Энгельс, а затем и Маркс еще в середине 40-х годов установили связь с чартистами и в декабре 1847 г. вели с ними переговоры от имени революционеров континентальной Европы. В марте 1848 г. они встречались с Гарни и Э. Джонсом в Париже, в апреле 1850 г. заключили с Гарни и бланкистами соглашение об основании «Всемирного общества революционных коммунистов»¹⁵ и совместно подписали документ, в котором было выдвинуто требование установления диктатуры пролетариата для борьбы за победу коммунизма. В ноябре 1850 г. они выступили в печати с сочувственной оценкой линии Гарни и Джонса¹⁶. В ноябре 1850 г. в редактируемом Гарни журнале «Red Republican» появился перевод «Манифеста Коммунистической партии» с примечанием, что это «самый революционный документ, который когда-либо появлялся»¹⁷. Маркс посещал лекции Джонса (например, 1 декабря 1850 г. — об истории папства, 4 мая 1851 г. — о кооперативном движении), давал Джонсу советы о наиболее целесообразной тактике по отношению к мелкобуржуазной эмиграции. Влияние марксизма на Джонса не подлежит сомнению.

Прослушав речи Джонса в Манчестере, Энгельс отмечал в своем письме Марксу от 8 января 1851 г., что на Джонса оказали большое влияние материалы «Новой Рейнской газеты» и общение с ним. Из того же письма мы знаем, что Энгельс намечал создание в Манчестере «маленького клуба» или регулярных встреч с чартистами для обсуждения «Манифеста». Маркс сообщал Энгельсу, что он встречался с Джонсом, например, 27 февраля и в середине марта. 9 июля 1851 г. Энгельс сообщал Э. Дронке, что Джонс «целиком на нашей стороне и в настоящее время пропагандирует среди англичан Манифест»¹⁸. Позднее, в письме к Марксу от 18 марта 1852 г., Энгельс следующим образом характеризовал деятельность выдающегося вождя чартистской партии Э. Джонса: «Джонс стоит на вполне правильном пути, и мы можем смело сказать, что без нашего учения он никогда не выбрался бы на верную дорогу и не узнал бы, каким образом можно, с одной стороны, не только сохранить инстинктивную не-

¹⁵ См. «К. Маркс. Даты жизни и деятельности». М. 1934, стр. 41, 45, 83.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 243—244.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 144.

¹⁸ Там же, стр. 103.

ненависть рабочих против промышленных буржуа — этот единственно возможный базис для реконструкции чартистской партии, — но даже усилить ее, развить и положить в основу просветительной пропаганды, и в то же время, с другой стороны, быть прогрессивным, выступать против реакционных вожделений рабочих и их предрасудков»¹⁹.

Можно не сомневаться, что весной 1851 г. Джонс советовался с Марксом о линии предстоящего чартистского Конвента и особенно относительно направления программы, проект которой был опубликован еще до конгресса. На содержание программы, несомненно, оказали влияние мысли, развитые в «Манифесте» и других появившихся к тому времени произведениях Маркса и Энгельса.

Особенно это относится к созданному Джонсом журналу «Notes to the People». Известно, что Маркс принимал ближайшее участие в его редактировании. 31 июля 1851 г. он писал Энгельсу: «Он (Джонс. — Б. Р.) идет вперед в своем органе, он учится». Статью о Кошуте, например (ноябрь 1851 г.), Джонс написал, опираясь на письмо Маркса. 2 сентября 1852 г. Маркс писал Энгельсу, имея в виду Джонса: «Я в продолжение нескольких недель оказывал ему редакторскую помощь...»²⁰. Впоследствии, в 1864 г. Маркс прямо указывал, что номера журнала Джонса в 1851—1852 гг. «поскольку дело идет о статьях по экономическим вопросам, в основном печатались под моей редакцией, а отчасти были написаны и при моем прямом сотрудничестве»²¹.

Конвент открылся 31 марта 1851 г. в Лондоне и закончил свою работу 8 апреля. Он обсудил и принял программу и устав чартистской партии и специальной резолюцией единодушно одобрил линию Исполнительного Комитета.

Оценивая завершившийся на Конвенте этап идейной борьбы в связи с принятием новой программы, Э. Джонс писал, что достигнутая победа свидетельствует о переходе английских рабочих на более высокую, «следующую ступень сознательности», благодаря чему движение пополнилось «новыми силами», которые «дают мужество нашему продвижению вперед»²². Р. Гаммедж

также отметил, что как в Исполнительном Комитете партии, так и среди делегатов Конвента преобладал «коммунистический элемент» и это нашло свое выражение в программе²³. Чем же объясняется столь высокая оценка Джонсом и Гаммеджем итогов Конвента? Что представляла собой принятая Конвентом программа?

Программа чартистской партии, принятая Конвентом в 1851 г., делится на две главные части: первая включает вопросы стратегии и тактики партии в период ее борьбы за политическую власть, вторая формулирует принципы преобразования общественного строя после завоевания власти рабочим классом.

В основе всей программы лежит идея признания рабочего класса главной движущей силой современного общества и его исторической миссии навсегда освободить человечество от эксплуатации, гнета, от деления на классы и классовой борьбы. В осуществлении этой высокой миссии рабочего класса решающая роль отводится его революционной самостоятельной партии, которая оценивается как передовой и сознательный отряд рабочих.

Еще Лондонская рабочая ассоциация в одном из своих программных документов (1840 г.) следующим образом определяла новую роль рабочего класса: «Вы (рабочие.— Б. Р.) должны сами стать своими собственными социальными и политическими преобразователями или вы никогда не будете обладать свободой». И далее: «Если, поэтому, вы желаете избежать вашего нынешнего социального и политического рабства и сослужить услугу человеческому роду, вы должны подняться и пойти на любую жертву, чтобы построить священный храм вашей собственной свободы»²⁴. В ходе дальнейшего развития событий передовые деятели английского рабочего движения увидели, что в обществе есть только один класс, интересы которого прочно связаны с общественным прогрессом, и этим классом являются они сами, английские рабочие. Так к 1850 г. сложилось новое, более широкое понимание роли рабочего класса, что и было ясно сформулировано в по-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 342.

²⁰ Там же, стр. 231, 300, 401.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 207.

²² «Notes to the People». Vol. I, p. 21—22.

²³ R. G. Gamage. Указ. соч., стр. 372.

²⁴ «Life and Struggles of William Lovett». London. 1920. Vol. II, pp. 250, 251.

ложении: отныне «рабочий класс представляет самую могучую партию борьбы за реформу в Англии и единственную партию, в руках которой дело прогресса может быть или будет достигнуто»²⁵.

К этому времени складывается и ясное представление об объективных условиях, которые определяют неизбежность возвышения рабочего класса и его постоянный рост. Сравнивая развитие всех классов современной ему Англии, Эрнест Джонс пришел к следующим выводам: «Во-первых, численное превосходство находится на стороне рабочего класса, и он достаточно силен, чтобы завоевать победу.

Во-вторых, рабочий класс с каждым днем растет и становится сильнее, так как централизация богатства постоянно разоряет мелких лавочников и отбрасывает их в ряды рабочих, а последних толкает в пропасть нищеты. Число же наших врагов растет медленнее. Конечно, следует помнить, что определенная часть пролетариата используется против него же в форме солдат, моряков, милиции и полиции и что широкие массы остаются невежественными и имеют предрассудки, в силу чего демократия все еще далека от того, чтобы охватить весь рабочий класс. Но что из этого? Каждый день рабочий класс пополняется тысячами и быстро комплектует свои ряды.

...Великая основа имеется — широкое большинство, действительные интересы которого (известны ли они уже ему или нет) являются демократическими. Надо добиваться, чтобы рабочие поняли свои интересы — в этом и состоит вся суть дела.

Некому помочь бедным? Мой милорд Пальмерстон!²⁶

Есть такая сила! Она заключается в единстве массы и знания»²⁷.

Кто же должен внести сознание в массы трудящихся и сделать их тем самым непобедимыми? Выполнить такую задачу способна только независимая революционная партия рабочего класса, отвечает программа. «Высший долг чартистского Национального Конвента, — записано в программе, — содействовать всеми имеющимися в его распоря-

жении силами сохранению независимости чартистской организации от всех других политических движений и распространению политических и социальных знаний среди всех классов»²⁸.

Великие и почетные задачи были поставлены программой перед партией. Прежде всего программа обязывала партию добиваться единства рабочего класса и охранять его. В ней говорится: «Конвент постановляет, что агитация за Партию должна проводиться среди всех рабочих организаций с целью достижения единства действий всего рабочего класса, для чего необходимо установить связи с исполнительными комитетами тред-юнионов, с различными рабочими организациями и ассоциациями, подчеркивая перед рабочими ту взаимную выгоду, которую они извлекают от единых действий»²⁹.

Партия должна возглавить не только весь рабочий класс, но и стать руководителем всех угнетенных. Чартистская партия, гласит программа, «должна выступать как защитница всех угнетенных, а каждый страдающий класс должен видеть в ней борца, способного освободить их от социальных зол».

Программа поставила перед партией задачу соединить рабочее движение с научной теорией. В ней подчеркивалось, что чартистское движение без соединения с общественной наукой потерпело бы полную неудачу. Характеризуя передовую роль партии в рабочем движении, программа требовала от чартистской организации «быть той силой, которая призвана спаять миллионы в единое целое и повести эту объединенную силу в правильном направлении»³⁰.

Определив место и роль революционной самостоятельной партии в рабочем движении, программа формулировала главную цель чартистской партии — завоевание политической власти рабочим классом для организации нового общества.

Что же должно было представлять собой это новое общество?

Наибольшее место в программе занимает проблема разрешения противоречия между трудом и капиталом. Вопросы освобождения труда от эксплуатации посвящены разделы программы «Закон о труде», «Закон о безработных и нетрудоспособных», «Налогооб-

²⁵ «Notes to the People». Vol. II, p. 893.

²⁶ Статья написана в связи с заявлением Пальмерстона на одном из митингов перед избирателями: «Никто не может помочь сделать бедных богатыми — это было бы против милостей провидения, которое так уж устроило человеческий род» (Цит. по «Notes to the People». Vol. I, p. 510).

²⁷ Там же, стр. 541—542.

²⁸ «The Northern Star», 1851, 12 April, p. 8.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

ложение» и «Национальный долг». Закономерность постановки такой задачи объясняется в программе следующим образом: «Труд — творец богатства и, как таковой, является самым важным элементом процветания нации. Отношения между хозяином и рабочим несовместимы с благосостоянием общества: творец до сих пор остается рабом своего творения, труд — рабом капитала и стонет под гнетом системы подневольной наемной работы, что противоречит всем принципам свободы.

Труд должен быть поднят из его нынешнего угнетенного состояния»³¹.

Выдвигая великую цель рабочего движения — освобождение всех трудящихся от эксплуатации, Конвент 1851 г. опирался на предшествующие программные выступления чартистской организации. Известно, что эта идея была сформулирована рабочими еще в 1836 г. в первом «адресе» Лондонской рабочей ассоциации³². Через два года секретарь названной ассоциации Ловетт, выступая на 1-м Конвенте, говорил: «Действительное зло — единственное, заслуживающее нашего внимания, это — наемное рабство, купля-продажа рабочей силы человека. Вот что представляется мне самым пагубным принципом общества... Пока длится эксплуатация человека человеком, до тех пор реформы будут лишь в слабой степени способствовать смягчению бедности и нужды рабочих»³³.

На каком же принципе должно быть перестроено производство в новом обществе? Программа предлагала преобразовать социальный строй на базе производственной кооперации трудящихся, кооперации в общенациональном масштабе, связанной узами единого союза, основанной на общности интересов и имеющей централизованный фонд для целей развития кооперативного движения. Усматривая в производственной кооперации трудящихся средство социального освобождения рабочих и замены системы подневольного наемного труда системой свободного и независимого труда равноправных членов общества, программа требовала отмены всех законодательных ограничений, мешающих развитию кооперации, установления государственного кредитного фонда для содействия кооперативному движе-

нию и других мероприятий, которые должны были обеспечить постепенный переход всех средств производства в руки трудящихся.

В своем стремлении воплотить в новом строе великую цель — социальное освобождение рабочего класса — чартистская партия отнюдь не связывала осуществление ее обязательно с формой кооперации, а допускала возможность возникновения и других форм свободного от гнета и эксплуатации производства «под кооперацией или адекватным ей другим названием...», писал, например, Э. Джонс³⁴. Но для Англии с ее сильно развитыми традициями кооперации чартисты именно в кооперации трудящихся видели наиболее целесообразную форму организации будущего справедливого производства, без эксплуататоров и эксплуатации.

Ввиду того, что в сознании масс еще оставались пережитки утопических коммунистических учений, при разъяснении социальных преобразований, записанных в программе, большое внимание уделялось предупреждению будущих строителей новой жизни от опасности забегания вперед. Эрнст Джонс даже установил примерный срок в 30 лет, который, по его мнению, понадобится для полной перестройки экономики на кооперативных началах после того, как рабочие завоюют власть.

Возражая сторонникам немедленной ликвидации денег, Джонс, например, писал: «Некоторые рекомендуют открыть национальные склады, в которых должны быть сосредоточены продукты труда для взаимного обмена, а государство в целях обеспечения такого обмена должно издать трудовые знаки, в размерах стоимости находящихся на складах промышленных товаров и предметов питания. Если бы все люди без исключения славяли свои продукты труда на государственные склады, это могло бы годиться, но так как такое положение дел нельзя предполагать, то указанное предложение не может быть реализовано, по крайней мере, до установления коммунизма или очень близкой к нему системы. Но коммунизм отдален еще от нас большим временем, ввиду чего, как это представляется мне, предлагаемый план практически не мог бы быть исполнен»³⁵.

Большой интерес представляет решение в

³¹ Там же.

³² См. «Life and Struggles of William Lovett», p. 97.

³³ «Charter», 1839, 17 February. Цит. по М. Бер. История социализма в Англии. Ч. II. Л. 1920, стр. 440.

³⁴ «Notes to the People». Vol. I, p. 409.

³⁵ Там же, стр. 85.

программе вопроса о судьбе такого важнейшего средства производства, каким является земля. На протяжении всей истории чартистского движения вопрос о земле занимал одно из центральных мест. О земле мечтали 700 тыс. обездоленных деревенских батраков, о земле мечтали сотни и сотни тысяч разорившихся ремесленников, о земле мечтали и промышленный пролетариат, усматривая в справедливом использовании ее источник благоденствия всего общества. Под лозунгом возврата земель непосредственным производителям появилась возможность объединить вокруг авангарда пролетариата большинство трудящихся в борьбе против капиталистического строя. Таким образом, в рассматриваемый период вопрос о земле уже перерос в вопрос о массах, о союзниках рабочего класса, о сплочении всех трудящихся под руководством чартистской партии, единственной партии в стране, способной решить этот вопрос в пользу трудящихся.

В Англии в тот период насчитывалось 30 тыс. земельных собственников, 200 тыс. фермеров и 700 тыс. сельскохозяйственных рабочих³⁶. Обращаясь к угнетенным деревни, Э. Джонс писал: «Вы должны объединиться! Вы должны организовать и стать ведущей силой. Одни — вы этого не можете. Вас только 700 тыс., но рядом с вами имеются другие, которые страдают под однородным ярмом: имеются фабричные рабы, так же как имеются сельские рабы. Объединитесь! Их число — легион, и, объединившись, вы станете непобедимы»³⁷.

Победа пролетариата над буржуазией стала во многом зависеть от правильного понимания назревшей необходимости изменить производственные отношения в земледелии. Чартистская партия придавала вопросу о земле столь важное значение, что посвятила ему первый раздел своей социальной программы. Главным лозунгом чартистов в этой области был лозунг национализации земли. «Национализация земли, — говорится в программе, — является единственным надежным базисом национального благосостояния»³⁸. В конкретных условиях Англии это был единственно правильный лозунг. Вся земля в стране была монополизирована в руках небольшого слоя крупных светских и церковных землевладельцев, в силу чего в деревне не сохранился

слой крестьянства; в деревне, как и в городе, трудящиеся были почти полностью лишены собственности на средства производства. Вся земля, таким образом, находилась в руках правящей аристократии и служила для последней материальной базой господства. Поэтому в случае завоевания власти рабочий класс посредством национализации земли одним ударом выбил бы экономическую базу из-под ног земельной аристократии и сделал бы ее бессильной в борьбе против завоеваний трудящихся.

Затем программа определяла метод проведения национализации помещичьих земель. Она высказывалась не за прямую конфискацию, а за выкуп их государством. Разъясняя это положение программы, Э. Джонс писал: «Нынешние владельцы, хотя и получили землю грабежом, так просто ее не отдадут. Ее можно взять только двумя путями: или за деньги или кровью. Я считаю, что получить землю за деньги более легкий путь»³⁹.

Однако метод выкупа распространялся только на земли частных владельцев. Остальные же земли: церковные, коронные, невладельческие и общинные (в общем земельном фонде страны они составляли громадное большинство) — сразу по завоевании власти должны были перейти в собственность народа. Такая конкретность в подходе к различным формам землевладения свидетельствовала о большой гибкости тактики чартистской партии. Партия правильно учла, что конфискация церковных, коронных и невладельческих земель не затронет непосредственных интересов ни одного массового слоя населения и потому не вызовет сколько-нибудь сильной оппозиции; немедленная же конфискация земель частных владельцев, с одной стороны, не вызывалась экономической необходимостью, так как на первых порах рабочему государству хватило бы забот по освоению вышепоименованных земель, а с другой стороны, затронула бы прямые интересы целого класса, что неизбежно еще более ожесточило бы сопротивление свергнутого противника. Учитывая конкретные условия своей страны, чартисты и предлагали не конфискацию, а выкуп земель частных владельцев.

В программе также разъяснялся метод использования национализированной земли. Вопрос этот решался следующим образом: «Приобретенная правительством земля не

³⁶ Там же, стр. 112.

³⁷ Там же, стр. 113.

³⁸ «The Northern Star», 1851, 12 April, p. 8.

³⁹ «Notes to the People». Vol. I, p. 54.

подлежит продаже и становится навсегда общенародной собственностью; она передается арендаторам в таких размерах и под такими условиями, которые обеспечили бы свободу арендатора и интересы государства»⁴⁰.

Чартистская партия наметила два этапа в преобразовании земледелия после завоевания власти рабочими. Вначале предполагалось передать землю в основном в индивидуальное пользование трудящихся на правах аренды, что, по мнению чартистов, должно было сразу же привлечь массы на сторону революции. Затем с помощью рабочего государства земледелие должно было быть переведено на базу кооперации. Чартисты ясно понимали, что остановиться на передаче земли в индивидуальное пользование нельзя. Пройдет немного времени, говорили они, и в сельском хозяйстве, если оставить землю раздробленной на мелкие участки, вновь начнется расслоение, на базе частного капитала разгорится борьба между крупным и мелким хозяйством, борьба, в которой трудящиеся неизбежно попадут в новую кабалу. Чтобы избежать возрождения отношений эксплуатации в земледелии, чартисты и предложили план преобразования сельского хозяйства на базе кооперирования. «Кооперация,— писал Джонс,— должна стать государственным принципом, реализованным всей мощью государства». По своему характеру кооперация «должна быть добровольным союзом, а не простым соединением работников; она должна быть кооперацией взаимного интереса, а не просто кооперацией рабочей силы»⁴¹.

Изложенные выше социальные преобразования, намеченные программой для осуществления после завоевания власти рабочими, можно было бы назвать планом построения социализма, то есть первой фазы коммунизма. Однако сама чартистская партия, как мы видели, не называла свою программу будущей социальных преобразований программой установления социализма или коммунизма, хотя в комментариях к программе Э. Джонс, как мы видели выше, предвидел в перспективе отдаленного будущего «установление коммунизма». Чем же объяснить, что в стране, где среди рабочих нашли отклик коммунистические идеалы Оуэна, в стране, теоретическая мысль которой создала замечательные образцы критики пороков капиталистического

строения и защиты социалистических идеалов, мощное самостоятельное рабочее движение выступило на историческую сцену со знаменем, на котором не было традиционного призыва к социализму?

Как известно, чартисты называли себя демократами. Этот факт до сих пор настаивают историков при оценке характера чартистского движения. Нам представляется, что это происходит от механического перенесения современного понимания термина «демократия» на эпоху чартизма. На самом же деле в эпоху чартизма термин «демократия» включал в себя содержание коммунизма в пролетарском понимании. «Демократия,— писал Энгельс в 1845 г.,— в наши дни— это коммунизм... Демократия стала пролетарским принципом, принципом масс». В той же статье, написанной по поводу чартистского митинга, который состоялся в Лондоне 22 сентября 1845 г. с участием демократов других стран, Энгельс вновь возвращается к определению содержания данного термина: «...большинство собрания в общем правильно представляло массу лондонских протариет-чартистов. И вот это собрание приветствовало с единодушным энтузиазмом коммунистические принципы и самое слово коммунизм. Чартистский митинг явился коммунистическим праздником, и — по признанию самих англичан — «такого энтузиазма, какой царил в тот вечер, в Лондоне не было уже много лет».

Не прав ли я, когда утверждаю, что в наши дни демократия, это—коммунизм?»⁴². Сами чартисты также указывали на единство целей социализма и чартизма, выступающего под знаменем демократии. «Социализм,— говорили они,— и чартизм преследуют одну и ту же цель, разница лишь в приемах»⁴³. После 1848 г. по ряду причин революционные пролетарии континентальной Европы должны были поднять «надлежащее им знамя—знамя коммунизма»⁴⁴.

Как нам представляется, следует учесть, что когда, увлеченные идеями Оуэна, английские рабочие организовали ряд коммун, то вместо ожидаемого триумфа они увидели, что ни экономическая база, ни уровень производительных сил, ни уровень культуры самых искренних участников ком-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. Изд. 2-е. стр. 589, 599.

⁴³ «The Northern Star», 1843, 21 January, p. 1.

⁴⁴ «Notes to the People». Vol. I, p. 433.

⁴⁰ «The Northern Star», 1851, 12 April, p. 8.

⁴¹ «Notes to the People». Vol. I, p. 84.

муниципальных общин не позволяют им строить общественные отношения на принципах коммунизма Оуэна. Рабочие начали самостоятельно искать пути для перехода к новым, свободным отношениям между людьми. Насколько быстро шел процесс освобождения английского рабочего класса от идей утопического коммунизма, можно судить по следующему заявлению О'Брайена в январе 1847 г.: «Когда у народа будет хартия, земля, рабочие деньги⁴⁵ и государственный кредит, то он скоро убедится, какие чудеса может творить объединенный труд в производстве, в обмене и в области наук. Отсюда постепенно возникает социальное государство, действенный социализм, в отличие от социализма мечтаний. Из этих реформ возникает общество, которое не будет, вероятно, существенно отличаться от общества, проектируемого Оуэном. Но мысль, что из нынешнего развращенного и порочного общества можно одним прыжком перескочить в социальный рай Оуэна, что можно без предварительного восстановления прав человека и без реформ учреждений спасти народ из нынешнего состояния невежества и закрепощенности — эта мысль есть чистейшая химера»⁴⁶.

Преодоление чартизмом идей утопического коммунизма в политической и социальной областях означало крупный шаг вперед в развитии рабочего движения и явилось как бы преддверием к восприятию передовыми английскими рабочими научного социализма, своеобразным мостом от утопического коммунизма к теории научного социализма.

Каковы же те пути и средства, с помощью которых программа 1851 г. предполагала добиться установления кооперативного, то есть, по существу, социалистического, строя?

Программа ясно указывала, что первым и главным условием осуществления коренных социальных преобразований является переход политической власти в стране в руки рабочего класса. Средство к достижению английским пролетариатом власти программа видит в завоевании Хартии. Хартия дала имя и цель первой независимой партии рабочих и движению миллионов на протяже-

нии двух десятилетий. В наиболее острые моменты классовых схваток под знаменами Хартии сплачивались сотни тысяч и миллионы трудящихся. Народный клич «Хартию, и никаких уступок!» приводил в трепет правящие классы.

Выдвигая парламентский путь завоевания власти, чартистская партия исходила из конкретно-исторических условий, сложившихся в стране к тому периоду. В период чартизма английский рабочий класс уже представлял большинство самостоятельного населения страны. По данным того времени рабочих и близких к ним слоев вместе с семьями насчитывалось 24 млн. чел., представителей эксплуататорских классов вместе с семьями — около 6 млн. человек⁴⁷. Рабочий класс имел свою революционную чартистскую партию, а также рабочий Конвент, избираемый всем населением на основе всеобщего избирательного права. Против же рабочих стояли относительно малочисленные классы земельной и денежной аристократии. Правительство не располагало многочисленной военщиной и развитой бюрократией (численность, например, постоянной армии в тот период не превышала 100—120 тыс., а полицейские силы, подчиненные центральному правительству, начали создаваться лишь, когда чартистское движение подошло к концу). Одновременно с этим в стране были налицо буржуазные демократические свободы: право на собрания, петиции, печать; имелось также, хотя и ограниченное, право на организацию, то есть, как говорили чартисты, в стране отсутствовали барьеры для мирного завоевания большинства народа на ту или иную сторону. Поэтому исход борьбы решался позицией большинства рабочего класса, сознательностью и организованностью масс. Все это и определило стратегию и тактику чартизма.

Маркс, Энгельс и Ленин положительно оценивали курс чартистов на мирное развитие революции в Англии. В 1886 г. Энгельс писал в предисловии к английскому изданию «Капитала», что в результате изучения экономической истории и положения Англии Маркс пришел к выводу «что, по крайней мере, в Европе Англия является единственной страной, где есть возможность произвести неизбежную социальную революцию всецело мирными и легальными средствами. Конечно, при этом он никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно

⁴⁵ Идея «рабочих денег» О'Брайена не получила одобрения чартистов ввиду ее утопичности.

⁴⁶ «National Reformer and Manx Weekly Review». 30 January 1847.

⁴⁷ «Notes to the People». Vol. I, p. 342

ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабочих»⁴⁸. В. И. Ленин, разъясняя, почему К. Маркс в письме к Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г. не включал Англию в число стран, где предварительным условием революции является слом буржуазной бюрократически-военной машины, писал в 1917 г.: «Это было понятно в 1871-ом году, когда Англия была еще образцом страны чисто-капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной без предварительного условия разрушения «готовой государственной машины».

Теперь, в 1917-ом году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает»⁴⁹.

Выборами конвентов на основе всеобщего избирательного права чартистская партия не один раз проверяла свои силы и свое влияние на массы, и каждый раз выходила победительницей. Поэтому ни правительство, ни чартисты не сомневались в том, что в случае осуществления требований Хартии в стране установится политическое господство рабочего класса, что для Англии в эпоху чартизма означало бы по своим последствиям то же, что победоносное восстание рабочих во Франции или в какой-либо другой европейской стране.

Из каких теоретических предпосылок исходила чартистская партия? Известно, что чартистская партия имела довольно широкие международные связи с передовыми рабочими других стран. Не ограничиваясь личными встречами, поездками в другие страны, изучением теоретических трудов революционеров других стран, партия создала специальные международные организации рабочих: Союз братских демократов, а затем Международный комитет. Все это помогло ей ознакомиться с состоянием и особенностями развития революционного движения в различных странах и прийти к выводу о наличии двух путей развития революции: мирного, парламентского, в Англии и насильственного, через восстание, в остальных современных им странах Европы. Теория о двух путях пролетарской революции наиболее полно представлена в редакционной статье журнала «Notes to the People» под названием «Франция и Англия,

или всеобщее избирательное право и суверенитет народа», на материале которой мы и попытаемся раскрыть понимание чартистами названной проблемы.

Охарактеризовав историческую обстановку современной им Франции, авторы статьи пришли к выводу, что «во Франции только пики и баррикады могут решать, ибо только штык и пушки диктуют власть в этой стране»⁵⁰. Иные исторические условия, говорилось в статье, сложились в Англии. Здесь всеобщее избирательное право может стать орудием выражения воли всего народа, минуя гражданскую войну, поскольку в Англии «имеется громадное преобладание Палаты общин над Палатой лордов, в силу чего всеобщее избирательное право в нашей стране означало бы суверенитет народа, так как все другие элементы классовой конституции отступили бы перед волей Палаты общин. Если, поэтому, мы завоевали бы Палату общин, мы получили бы в свое распоряжение действительное правительство страны»⁵¹.

Спрашивается, однако, допустит ли правящий класс мирный переход власти к рабочим? В современных условиях, указывала статья, правящий класс не в состоянии насильем подавить волю большинства нации, ибо «имеющаяся в нашей стране постоянная армия настолько невелика, что с ее помощью нельзя подчинить даже один крупный город, не говоря уже о целом народе. Поэтому в случае установления демократии в подобных нациях наступление реакции, навязываемой военной диктатурой, становится невозможным. Такой нацией является Англия. Если в нашей стране народ возьмет верх, то ему не грозит опасность потерять власть от физической силы противника по той простой причине, что здесь не имеется такой физической силы (какая имеется, к примеру, во Франции), которая могла бы это осуществить. Но остерегайтесь допустить организацию такой силы!».

Вот почему «пути завоевания демократии во Франции и Англии существенно различны», а «Англия является единственной страной в Европе, где установление демократии возможно без гражданской войны.

Поэтому, чартисты, Хартия достойна того, чтобы за нее бороться в Англии!»⁵².

Далее в статье еще раз подчеркивалось

⁵⁰ «Notes to the People». Vol. II, pp. 664—665.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁴⁸ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 32.

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 387.

решающее значение в условиях мирного развития революции достижения единства рядов рабочего класса и наличия во главе рабочего класса самостоятельной революционной рабочей партии.

Необходимо подчеркнуть принципиальное отличие лозунга Хартии от лозунга всеобщего избирательного права. Чартистская газета «The People's Paper» неоднократно указывала, что всеобщее избирательное право может превратиться в Хартию, то есть в политическое господство рабочего класса, только в том случае, если рабочий класс организован в самостоятельную политическую организацию и осознал необходимость взять судьбы нации в собственные руки⁵³. Чартистский журнал «Notes to the People» постоянно противопоставлял понятию всеобщего избирательного права понятие суверенитета народа, причем под суверенитетом народа в Англии он имел в виду парламент на базе Хартии, в котором большинство принадлежит рабочему классу, а правительство формируется чартистами⁵⁴.

По сути дела, чартисты при объяснении содержания Хартии шли к мысли о «диктатуре пролетариата», необходимой для освобождения рабочего класса и всех угнетенных, для строительства нового, социалистического общества. При оценке Хартии вплотную к такому выводу пришли Маркс и Энгельс. В 1852 г. в статье «Чартисты» они писали: «...всеобщее избирательное право обозначает для рабочего класса Англии политическое господство. Пролетариат образует здесь огромное большинство населения; в ряде долгих, хотя и не явных, гражданских войн он выработал себе ясное сознание своего классового положения... Введение всеобщего избирательного права было бы для Англии завоеванием, в котором было бы гораздо больше социалистического духа, нежели в любом мероприятии, которому на континенте присваивается это почетное имя. Его неизбежным результатом явилась бы политическая гегемония рабочего класса!»⁵⁵. Через несколько лет основоположники научного социализма писали, что в Англии всеобщее избирательное право «является хартией народных классов и означает освоение ими политической власти для осуществления

своих социальных потребностей. Всеобщее избирательное право, понятое в 1848 г. во Франции как лозунг всеобщего братства, в Англии воспринимается как военный пароль. Там ближайшим содержанием революции было всеобщее избирательное право, здесь ближайшим содержанием последнего является революция»⁵⁶.

Следовательно, идея Хартии не только значительно шире идеи всеобщего избирательного права. Если всеобщее избирательное право означает лишь политическую демократию, то осуществление требований Хартии означало бы установление диктатуры пролетариата как средства социального освобождения рабочего класса и всех угнетенных.

Исходя из всех этих соображений, Конвент записал в программе: «Так как все проекты парламентской реформы, за исключением Хартии, дали бы средним классам гораздо больше голосов, чем рабочим, а следовательно, поставили бы последних в еще более неблагоприятное положение, чем теперь, то надо агитировать за всю Хартию, поскольку уступка в одном пункте нарушит полезность всех остальных. Ввиду этого не следует оказывать народную поддержку тем избирательным реформам, которые дают меньше, чем Хартия»⁵⁷. Вместе с тем Конвент подчеркнул в программе, что «изменения в политической области оказались бы бесплодными без социальных перемен», и наметил план будущих социальных преобразований, о которых мы говорили выше. Таким образом, Конвент выразил свою полную солидарность с известным лозунгом чартистского движения, действовавшим на всем его протяжении: «Политическая власть — наше средство, социальное благоденствие — наша цель!»

В заключении первой части программы выражена идея объединения всех трудящихся под руководством партии рабочего класса. Мы приведем только ту часть данного положения, которая не вошла в известный исторической литературе текст программы: «Долг и стремление чартистской организации состоит в том, чтобы и впредь быть объединяющей силой всех изолированных, но фактически однородных по своим интересам, быть той силой, которая призвана спаять миллионы в единое целое и повести эту объединенную силу в правильном направлении.

⁵³ «The People's Paper», 1852, 29 May, p. 4.
⁵⁴ «Notes to the People». Vol. II, pp. 664—665.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. IX, стр. 11—12

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. X, стр. 440—441.

⁵⁷ «The Northern Star», 1851, 12 April, p. 8.

Глубоко убежденный в этой истине, Конвент, хотя и определяет чартизм как самостоятельно организованную политическую силу, не примыкающую ни к какой другой секции и не смешивающуюся ни с какой другой организацией, рекомендует одновременно, чтобы классам с различными интересами были предложены мероприятия, осуществление которых не противоречило бы общим принципам чартизма и в то же время учитывало бы интересы упомянутых классов; чтобы на базе этих реформ добиться от них поддержки чартистской организации; чтобы такие реформы стали предметом непрерывного и всеобщего изучения»⁵⁸.

О каких же классах «с различными интересами», способных объединиться под руководством рабочих, идет в данном случае речь? Трудящихся деревни (в условиях Англии это сельскохозяйственный пролетариат, батраки) партия считала своим прямым союзником ввиду однородности интересов тех и других. Речь идет о средних слоях общества, в котором в программе отмечены ремесленники, фермеры и мелкие торговцы. Назвав эти слои общества «угнетенными классами», программа ставит перед чартистской партией задачу объединения их под руководством рабочего класса.

Делегаты Конвента 1851 г. серьезное внимание уделили также определению политики партии по отношению к среднему классу⁵⁹. После тщательного анализа конкретно сложившейся исторической обстановки в Англии делегаты пришли к выводу, что в данное время чартистская партия сильно ослаблена и дезорганизована, ввиду чего Конвент рекомендует ей временно воздержаться от компромиссов с организациями среднего класса и все силы уделить укреплению своих рядов.

С защитой этой точки зрения выступило 17 делегатов Конвента. Их аргументы сводились к следующему: чартистская партия не может в данный момент идти на компромиссы и соглашения со средним классом по

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ В понятие среднего класса англичане вкладывали содержание понятия буржуазии, или, что одно и то же, имущего класса, который в отличие от так называемой аристократии «во Франции и Англии прямо, а в Германии косвенно, в лице «общественного мнения», обладает государственной властью» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. М. 1952, стр. 5). В эпоху чартизма значительная часть среднего класса не имела права голоса.

той причине, что она переживает период упадка и организационной слабости, ввиду чего сегодня буржуазные партии не будут считаться с ней и они попросту заставят рабочий класс работать на них. Чартистская партия никогда не отказывалась в принципе от взаимно-выгодных компромиссов с другими классами, но она всегда решала этот вопрос с учетом конкретно сложившейся обстановки и при условии, что имеется возможность достигнуть действительно взаимной выгоды. В настоящее время главная задача состоит в сохранении и укреплении независимой рабочей партии, способной вести самостоятельную политику, и до тех пор, пока не будет решена эта задача, нельзя идти на общенациональные соглашения с противником. Поэтому в данное время рабочий класс не должен поддерживать никакой иной реформы, кроме Хартии⁶⁰.

В борьбе за массы чартистская партия придавала большое значение самостоятельному участию рабочего класса в избирательных кампаниях по выборам парламента, местных муниципальных и приходских управлений, а также использованию трибуны названных институтов для распространения чартистских принципов. Во время избирательных кампаний партийные организации создавали независимые от других партий избирательные комитеты, определяли своих кандидатов, организовывали сбор средств и проводили агитационную кампанию под своими чартистскими лозунгами. Накопленный чартистской партией опыт борьбы за массы в период избирательных кампаний и был зафиксирован в рассматриваемой нами программе.

При чтении соответствующих разделов программы, определяющих тактику партии в избирательных кампаниях, следует учитывать, что в тот период выборы в парламент проходили в два тура. В первом туре кандидаты объявлялись с трибуны в присутствии всего взрослого населения данного округа; после выступления кандидатов с изложением своих предвыборных программ присутствующие выражали доверие тому или иному кандидату открытым голосованием. Однако в данном случае голосование носило только символический характер, а действительное избрание кандидатов осуществлялось во втором туре с участием только лиц, имеющих право голоса. Ввиду того, что право голоса имели очень

⁶⁰ См. отчет о заседаниях Конвента «The Northern Star», 1851, 5 April, p. 7.

немногие, чартисты почти полностью были лишены возможности провести своих кандидатов в парламент, но в первом туре голосования они часто одерживали блестящие победы. В избирательном округе Галифакс, например, в 1852 г. при избрании кандидатов открытым голосованием приняло участие более 20 тыс. человек. Из них за кандидатов от правящих партий голосовали лишь отдельные лица, а за чартиста Э. Джонса «поднялись обе руки почти всех присутствующих при неописуемых ликованиях и нескончаемых одобрениях»⁶¹. А на следующий день собрались несколько сот «законных» избирателей и провели другого кандидата (за Э. Джонса было подано 37 голосов, тогда как за вига — 596)⁶².

При оценке исторического значения рассмотренной выше программы 1851 г. следует иметь в виду, что общая ситуация в стране представлялась тогда чартистам в общем благоприятной для нового подъема массового рабочего движения. В тот период революционеры всех стран, равно как и их противники, еще полагали, что Европа стоит на пороге новых революций и, возможно, уже в 1852 г. начнутся новые битвы между буржуазией и рабочим классом. Обе стороны усиленно готовились к предстоящим схваткам. Что касается чартистской партии, то она с честью сдала экзамен, образовав за период 1851—1852 гг. прочное революционное ядро, готовое в случае возникновения революционной ситуации в стране превратиться в массовую партию, в руководящую силу миллионов. Исходя из такой оценки исторической обстановки, чартисты и выдвинули в программе своей ближайшей целью завоевание политической власти. Однако история пошла не так, как они думали. Вместо ожидаемой революции пришел период длительного относительного затишья. Новая историческая обстановка требовала новых тактических приемов борьбы, новых форм подготовки рабочего класса к решению тех же нерешенных исторических задач. От этого теперь зависела судьба партии, судьба ее связей с массами. Решить такую задачу чартистской партии, как показывают дальнейшие события, оказалось не под силу.

Судьба чартистской партии была не исключением, а характерной чертой всего международного рабочего движения середины XIX в., которое еще не имело достаточного опыта для сохранения преемственности в моменты крутых поворотов истории. В 1914 г. Ленин, объясняя, в силу каких причин большевикам удалось сохранить партию в тяжелую эпоху 1908—1911 гг., сказал по поводу предыдущей истории международного рабочего движения: «Ни в одной стране мира не удавалось еще до сих пор рабочему движению выйти из подобных кризисов, сохраняя преемственность, организованность, верность старым решениям, программе, тактике»⁶³.

Несмотря на то, что программа чартистского Конвента 1851 г. не суждено было осуществиться, она заняла важное место в истории английского и международного рабочего и социалистического движения. В ней обобщен опыт борьбы за пролетарскую революцию первого в истории самостоятельного рабочего движения. Правда, участники Конвента 1851 г. не смогли обобщить ряд чрезвычайно важных сторон чартистского движения. В партии, например, имелось представление о различии между справедливыми и несправедливыми войнами, об отношении к ним рабочего класса, но в программе эти идеи не нашли своего отражения. В партии имелся, далее, известный опыт борьбы за мир, против военной опасности, но эти идеи также не нашли своего отражения в программе. В партии имелся и некоторый опыт установления интернациональных связей между рабочими различных стран, но и эту сторону борьбы английских рабочих программа не освещает.

Хотя чартистской партии и не удалось теоретически обобщить все стороны опыта международного рабочего движения и выявить внутренние закономерности развития капиталистического строя в целом, ее программа 1851 г. явилась исторической вехой в развитии английского рабочего движения. На ее базе чартисты отстаивали самостоятельность английского рабочего движения, восстановили в 1852 г. единство рядов партии, помогли тред-юнионам и кооперативному движению восстановить и укрепить их силы, подготовили и возглавили массовое движение английского пролетариата в

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 18.

⁶² Cole. Chartist portraits. London, 1941, p. 351.

⁶³ «Правда», 5 мая 1955 года (перепечатано из газеты «Рабочий» № 1, 22 апреля 1914 года).

1853 г.⁶⁵, которое разбило «бунт» капиталистов и закрепило завоевания рабочих, достигнутые в предшествующий период чартистского движения. Закрепление побед рабочего класса, достигнутых им под знаменем Хартия, имело огромное международное значение. Достаточно сказать, что одно закрепление победы в достижении 10-часового рабочего дня завершило целую эпоху в рабочем движении. В «Капитале» Маркс, как известно, оценил ограничение рабочего дня как предварительное условие для дальнейших попыток улучшения и освобождения пролетариата⁶⁶ и следующим образом охарактеризовал роль английского рабочего класса в достижении данной цели: «...установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом. Так как борьба открывается в сфере современной промышленности, то она разгорается впервые на родине этой промышленности, в Англии. Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского рабочего класса, но и современного рабочего класса вообще, точно так же, как их теоретики первые бросили вызов капиталистической теории»⁶⁷.

Следует учесть, что чартизм возник до появления теории Маркса. Вместе с тем английское рабочее движение той эпохи, как мы знаем, предвосхитило многое из будущего марксизма. На примере английского рабочего движения эпохи чартизма можно проследить первоначальный исторический процесс превращения рабочего класса из класса в себе в класс для себя, первые шаги рабочих в осознании собственных целей и задач, тот великий процесс пробуждения рабочего класса к осознанной борьбе за собственное освобождение, который завершился выработкой Марксом и Энгельсом теории научного социализма.

Вопрос о взаимоотношениях чартистской партии и основоположников научного социализма Маркса и Энгельса имеет огромное значение для познания закономерностей

⁶⁵ Маркс следующим образом охарактеризовал массовые события 1853 г.: «Война между обоими классами стала ожесточенной, открытой, всеми признаваемой и для всех ясной» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 218). «Чартистская агитация, возобновленная Эрнестом Джонсом, энергично развивается...» (там же, стр. 184), происходит «объединение всех рабочих под знаменами чартизма» (там же, стр. 242).

⁶⁶ См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 306.

⁶⁷ Там же, стр. 304.

развития международного рабочего движения. Не подлежит сомнению, что новая чартистская программа и развернувшаяся вскоре по окончании работы Конвента блестящая пропаганда ее целей в чартистской печати, будучи в основе своей развитием идей и взглядов, выработанных самими участниками английского рабочего движения, одновременно с этим носит на себе глубокий отпечаток воздействия первых научных трудов Маркса и Энгельса, и прежде всего изданного ими «Манифеста Коммунистической партии».

Революционеры с континента, вынужденные эмигрировать в Лондон, старались всем, чем могли, помочь английским рабочим. Правда, они не могли принимать личного участия в работе партии английского рабочего класса в силу своего положения политических эмигрантов, но они отдали в распоряжение чартистской партии свои знания. В обстановке напряженной идейной борьбы чартистов против буржуазной идеологии это была неоценимая помощь. Практически она выразилась в том, что революционеры с континента исполняли обязанности сотрудников чартистского органа, освещали положение рабочего класса в других странах и помогали разработке некоторых экономических проблем. Мы до сих пор не знаем всего объема проделанной ими работы, как не знаем и всех их имен, так как в обстановке разгула реакции в Европе редакция чартистского журнала не нашла возможным их назвать. В сообщении редакции говорилось лишь следующее: «Открывая страницы нового отдела («Континентальные заметки». — Б. Р.), мы не собираемся выражать только одно наше собственное мнение (хотя мы и являемся гражданами этого мира), так как мы можем быть слишком склонными оценивать главные вопросы века с точки зрения англичанина. Мы поэтому привлекли к сотрудничеству в журнале трех наиболее блестящих литераторов континентального демократического движения,—и мы этим гордимся... По известным причинам мы не можем сегодня сообщить имена наших континентальных сотрудников, но мы надеемся и верим, что не так далеко то время, когда их имена можно будет сообщить всему миру»⁶⁸.

Однако из дошедших до нас писем Маркса, Энгельса и Джонса можно смело сказать, что наиболее ценную помощь чартистской партии в защите и пропаганде идей ее программы оказали сами основополож-

⁶⁸ «Notes to the People». Vol. II, p. 846.

ники научного социализма. Выше уже приводилось заявление Маркса о том, что он принимал участие в редактировании экономических статей в чартистском органе «Notes to the People» (за 1851—1852 гг.) и часть из них написана при его прямом сотрудничестве⁶⁹. Действительно, ряд статей, опубликованных в журнале без подписи или под рубрикой «Континентальные заметки», по глубине и широте представления о рассматриваемом предмете стоит на уровне произведений Маркса и Энгельса. Сотрудничество Энгельса в чартистском органе началось еще в 1843 году⁷⁰. Стоило тогда Энгельсу приехать в Англию и пожить несколько лет с рабочими, как он с головой ушел в интересы движения английского пролетариата, проникся глубочайшим уважением к делу чартизма и стал считать для себя честью принадлежать к когорте чартистов. Выступая на митинге в Лондоне в 1847 г., Энгельс сказал: «Вот уже несколько лет, как я живу в Англии, и я с гордостью называю себя чартистом; я чартист с головы до ног»⁷¹.

Кто был третьим из числа «блестящих литераторов континентального демократического движения», о которых писал Джонс, — В. Вольф, В. Пипер или В. Либкнехт, — пока неизвестно. Но руководящее влияние марксистов на развитие мировоззрения чартистов начала 50-х годов не подлежит сомнению.

В свою очередь, чартистская программа 1851 г., несомненно, оказала свое влияние на последующее развитие теории научного социализма. Ко времени революции 1848 г. выработка теории Маркса не была еще закончена. Широко известно, какой большой толчок развитию и обогащению марксист-

ской теории был дан практическим опытом европейских революций 1848—1849 годов. Если обратиться к произведениям Маркса и Энгельса, относящимся к 1852—1864 гг. и особенно к периоду Первого Интернационала, то в них можно обнаружить много важных положений, теоретически обобщающих не только опыт революций 1848—1849 гг. и последующего развития рабочего движения на континенте, но и опыт английского рабочего движения и особенно славной истории чартизма.

Чартисты дали мировому освободительному движению пролетариата неумирающие образцы смелого полета революционной мысли и отважной революционной борьбы. Великий Ленин сказал однажды, что в лице современных коммунистических партий «родились новые чартисты»⁷², призванные практически обеспечить победу всемирной пролетарской революции. Пятый пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала высоко оценил значение революционных традиций чартизма. В его решении подчеркнута, что «изучение истории революционной борьбы собственной страны и других стран безусловно необходимо для сознательного участия в большевистской партии нынешних дней... Недопустимо, чтобы английские коммунисты не воспитывались в духе уважения к чартизму и чтобы английские коммунисты не знали важнейших документов чартизма»⁷³.

Основные принципы программы чартистской партии 1851 г. целиком подтверждают высокую оценку чартизма основоположниками научного социализма и еще раз свидетельствуют о великом вдохновляющем примере первых действительных революционеров из рядов английского рабочего класса.

⁶⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 207.

⁷⁰ См. М. Бер. Указ. соч. Ч. II, стр. 541.

⁷¹ Взято из отчета «Северной звезды» о митинге. «The Northern Star», 1847, 4 December.

⁷² В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 315.

⁷³ «Коммунистический Интернационал в документах». Сборник. М. 1933, стр. 480.